

ТАТЪЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ:

*«Екатерине Островской и ее детективам
удалось подарить мне не один
головокружительный вечер
за увлекательным чтением,
и поэтому я советую вам эти книги!»*

ТЕМНИЦА ТИХОГО АНГЕЛА
ЖЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОГО
ЗАПОВЕДНИК, ГДЕ ОБИТАЕТ СМЕРТЬ
МЕРТВАЯ ЖЕНА
И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ
МОТЫЛЕК АТАКУЮЩИЙ

Екатерина
Островская

МОТЫЛЕК
АТАКУЮЩИЙ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-77

Оформление серии *А. Старикова*

Островская, Екатерина.

О-77 Мотылек атакующий : роман / Екатерина Островская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Татьяна Устинова рекомендует).

ISBN 978-5-699-60484-5

В жизни Маши Стихаревой, которую любящий муж ласково называл Мотыльком, все было как в радужном сне: заботливый супруг, обожаемый сынишка и работа иллюстратора детских книг, приносящая удовлетворение и радость. Но уже не сон, а реальный мир становится кошмаром. Жить не хочется, не осталось ничего, что радовало и наполняло жизнь смыслом и счастьем. Есть только одно нестерпимое желание, удерживающее Машу на этом свете: расквитаться с подонками, лишившими ее всего, считающими себя выше законов человеческих и Божьих. Охваченный пламенем праведного гнева, Мотылек не боится сгореть и устремляется в самое пекло, чтобы измениться и внешне, и внутренне, стать грозным орудием мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Островская Е., 2012
© Оформление.
ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-60484-5

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

Посреди выжженной пустыни

Как я люблю приключения!..

Самые невероятные — чем невероятнее, тем лучше. Должно быть, потому, что живу я самой обыкновенной жизнью, в которой нет никаких «сверхсобытий». Именно поэтому и в литературе, и в кино я так ценю то, чего мне недостает в моей повседневности — когда вдруг окружающий мир встает на дыбы, перестает существовать, осыпается осколками и нужно все начинать заново, хотя больно, страшно и непонятно как.

В новом романе Екатерины Островской чего-чего, а приключений, выпавших на долю главной героини Маши Стихаревой, хоть отбавляй. На самом деле, лучше — если рассуждать с точки зрения нормальной жизни! — если бы их было поменьше. Судите сами: бедная Маша в одночасье теряет ребенка, мужа, отца и странно, что остается в живых сама. По чистой случайности остается!..

И впереди у нее только одно — месть!

О теории и практике мести — мести как явления, как части человеческой природы — написано великое множество книг, сложены стихи и поставлены оперы. Чего только мы не знаем про эту самую месть!.. Она может быть жестокой, убийствен-

ной, кровавой, страшной. Опять же, из литературы нам известно, что можно потратить на эту самую месть не только состояние, но и собственную жизнь, как потратил Эдмон Дантес, ставший впоследствии графом Монте-Кристо!

Так вот, Маша Стихарева из романа Екатерины Островской «Мотылек атакующий» как раз и есть некоторым образом граф Монте-Кристо. Да-да, не удивляйтесь!.. Потеряв все, оказавшись посреди выжженной пустыни, в которую в одночасье превратилась ее устроенная прекрасная жизнь, Маша находит в себе силы... продолжать бороться.

И силы эти ей придает жажда мести, которая кажется совершенно разрушительной и невозможной. С такой жаждой просто невозможно... сосуществовать. Она требует утоления, но немедленно утолить не получается, нужна долгая и трудная подготовка — сложные пластические операции, поддельные документы, восточные единоборства. Из Маши Стихаревой, художника-иллюстратора детских книг, постепенно получается Мотылек — в полном соответствии с классическими канонами, когда этот самый мотылек вылупляется из кокона, и никто не ведает, какая именно бабочка получится — трепетная и прекрасная или ужасная и опасная.

Мотылек Маша одновременно прекрасна и опасна. Она торопится отомстить, потому что не знает, сколько проживет — час, день или еще целую жизнь, совершенно новую, ведь от старой ничего не осталось. Она стремительно учится быть другой, не такой, как раньше, ибо ей не на кого опираться и некому доверять.

«О, одиночество, как твой характер крут. Посверкивая циркулем железным, как холодно ты замыкаешь круг, не внемля увереньям бесполезным».

Я очень люблю это стихотворение Беллы Ахмадулиной, и, как мне кажется, оно в полной мере соответствует нашей героине.

Маше-Мотыльку тоже сначала кажется, что ее одиночество огромно и холодно и утраты невосполнимы. Но время идет, и жизнь, как это ни странно, берет свое, и помощь приходит — в тот самый момент, когда уверенность, что никто не поможет, становится окончательной и бесповоротной, как приговор, который не подлежит обжалованию.

Но она приходит, и сначала даже непонятно — откуда. Нет, проницательный читатель вместе с героиней догадывается, конечно, но не сразу, не сразу!.. А то если б сразу, то и читать неинтересно, правда же?..

Энтони Троллоп, блестящий английский романист, писал когда-то, что «конец романа, как и конец детского обеда, всегда должен состоять из засахаренных орехов и чернослива». Иными словами, великий англичанин никогда не стеснялся того, что в его романах все и всегда заканчивается... хорошо. Даже не просто хорошо, а именно так, как нужно. Как больше всего хочется.

Роман Екатерины Островской «Мотылек атакующий» заканчивается в полном соответствии с заветами Троллопа.

Так что читайте с удовольствием, ей-богу!.. У них, у ребят в этой книжке, все получилось. Значит, у нас с вами тоже все получится, если приложить усилия. И мы постараемся их приложить — в нашей самой обыкновенной и ничем не примечательной жизни!..

Часть первая

Она еще не до конца очнулась и открыла глаза, но уже боялась просыпаться. Потом вспомнила свой сон и содрогнулась. Хотела закричать и не смогла. Маша не чувствовала ничего, кроме боли, которая разрывала ее изнутри. Она не знала, где находится и где остался мир, в котором жила прежде. Попробовала пошевелиться, но ничего не вышло — не было сил двинуть даже пальцем. Открыть глаза тоже не получалось. Так и лежала, в темноте и тишине, без движения.

Затем услышала голос. Причем очень четко, словно тот, кто говорил, произносил слова возле самого ее уха.

— Сломаны два ребра, челюсть, носовая перегородка. Ожогами поражено почти сорок процентов кожи...

«О ком говорит этот человек? А может, и не человек вовсе, а Бог? — подумала Маша. — Ведь я умерла».

— Господи, за что? — воскликнула рядом женщина. — За что ты караешь ее так жестоко?

— Она жива, — ответил Бог, — и это самое главное. Предстоят еще операции, но...

Женщина зарыдала.

— Успокойтесь, — произнес Бог негромко, — она может вас слышать. Ваша дочь молода, и у нее впереди вся жизнь.

— Какая жизнь? — продолжала плакать женщина. — У нее же никого не осталось! Если она узнает...

«Голос мамы, — вспомнила Маша и удивилась: — Неужели мама тоже умерла?»

Она снова попробовала открыть глаза, но опять не удалось: что-то мешало, стягивало лицо, делая веки тяжелыми и неподвижными.

— Вы можете остаться, — сказал Бог. — Только учтите, ей нельзя говорить. Не надо задавать вопросы, просто постарайтесь ее успокоить.

— Спасибо вам, доктор, — произнесла мама.

«Я в больнице, — догадалась Маша. — Значит, я заболела. Только почему здесь так темно?»

Наступила тишина. Кто-то гладил ее ладонь, и Маша едва чувствовала прикосновения. А своего тела по-прежнему не ощущала. Тело лежало на больничной койке, но было как-то отдельно, а она сама — неизвестно где. Сознание находилось в гулком пустом пространстве, куда из мрака долетали голоса невидимых людей. Может, и пространства не было, как и времени, существовали только боль и горе. Только сейчас Маша поняла, что разрывается в ней и отчего.

— Где Сережа? — спросила она. — Где Славик?

Спросить не получилось, губы остались неподвижными. Маша услышала слабый стон и удивилась. Она не поняла сначала, а потом догадалась — стонет она сама, но не нынешняя, без движения лежащая в палате клиники, а та, другая, чуть живая внутри, которая еще может стонать и что-то помнить о прошлом, о жизни, которая, вспыхнув, сторела мгновенно и черным пеплом развеяна ветром вперемешку со слетающим на спящую землю первым снегом.

Вечность пронеслась мимо, превратив Вселенную в маленькую точку посреди бескрайнего горя. Осталось только то, что случилось мгновение назад и будет теперь до скончания веков — полыхающий гараж и она сама, избитая и переломанная, пытающаяся вытащить из пламени умирающего мужа.

Маша подняла руку и, сдирая с лица бинты, закричала.

С детства Маша любила рисовать. А когда заканчивала школу, поняла, что хочет стать не просто художником, а книжным графиком — ей очень хотелось делать иллюстрации для книг, причем обязательно для детских. Книги должны быть веселые и мудрые, а картинки в них такие, чтобы маленькие читатели листали страницы, всматривались в нарисованную Машей жизнь, постигали ее и восторгались. Но мечты могли остаться только мечтами: поступить на худграф будет очень трудно. Она рисовала, конечно, неплохо, но талантливых людей немало, а тех, кто

получил уже начальное специальное образование, окончив художественную школу, вероятно, еще больше. Маша тоже ходила в художественную студию при Детском доме творчества, и в выставках детского рисунка участвовала, но все равно понимала, что остается только любителем. И все же решила рискнуть.

Как ни странно, но творческие экзамены она сдала, по рисунку даже на «четверку». Ну а по общеобразовательным предметам получила «отлично». И почти сразу началась студенческая жизнь.

Несколько раз ребята из группы приглашали ее в пивные бары, но потом перестали — с Машей Белянкиной было неинтересно: пиво она не пила — брала себе кружку, но та так и оставалась стоять на столе, пока кто-нибудь по рассеянности не выпивал ее. И уходила она скоро, ссылаясь на то, что от сигаретного дыма ей разъедает глаза. Короче, сокурсники посчитали девушку некомпанейской и перестали звать даже на домашние вечеринки. Машу это устраивало. Не то чтобы ей не нравились одноклассники и их посиделки, дело было в другом — она была влюблена. Влюбилась, как ей думалось, навсегда и, как часто бывает, безответно. Влюбилась сразу, с первого мгновения, как только увидела *его*.

Спустя пару недель после начала занятий Маша зашла в студенческую столовую, встала в очередь к буфету и увидела высокого парня, который сидел за столом с приятелем. Парень почти сразу поднялся и оказался еще выше, чем

Маше показалось сначала. Молодой человек перехватил ее взгляд и улыбнулся. А она быстро отвернулась и стала рассматривать салатники на холодильном прилавке, тут же почувствовав, как внутри у нее все сжалось и сердце застучало быстро-быстро.

— Это Сергей Стихарев, — шепнула стоящая рядом одноклассница Рита Коваленко, — на четвертом курсе архитектурного учится.

Откуда она могла знать этого парня, прочувшись в институте, как и Маша, всего две недели? Но Рита, как выяснилось, не только не ошиблась, но и успела уже с ним познакомиться. На переменах она бежала на третий этаж, где располагался архитектурный факультет, чтобы занять место в курилке. Стихарев не курил, но приходил туда за компанию с друзьями. Потом Ритка делилась впечатлениями.

— У него рост — метр девяносто. Он играет за институтскую команду в волейбол, кандидат в мастера спорта. Метр девяносто — это серьезно. Тебе, Маша, рядом с ним будет весьма и весьма неуютно...

Почему Рита вдруг решила, что подружка только и думает, чтобы оказаться рядом с тем парнем? Маша, конечно, мечтала об этом, но, как ей казалось, успешно скрывала свой интерес.

А Коваленко продолжала:

— У тебя какой рост?

— Метр шестьдесят семь.

Ритка недоверчиво осмотрела Машу с ног до головы.

— Не может такого быть! У меня метр шестьдесят четыре, а я выше. Хотя ты ведь в кроссовках, а у меня каблук — четырнадцать сантиметров...

Коваленко строила планы на праздничный новогодний вечер и делилась ими с Машей.

— Я уже договорилась с приятелем Сергея, с Новиковым, что он меня возьмет в их мастерскую. Сказала, что у меня есть бутылка виски, вот Тимур сразу и пригласил. Кстати, какое виски лучше взять?

— Я не знаю, — пожала плечами Маша, страдая с каждой секундой все больше и больше.

А Ритка ничего не замечала.

— Возьму шотландское. Дорого, конечно, но пока за все надо платить самой. Надеюсь, это скоро окупится... Потом, после того как посидим в мастерской, мы спустимся в зал, где будет дискотека. В четыре утра она закончится, и я приглашу Стихарева к себе в общагу. Я уже договорилась с Пенкиной, что она в другой комнате переночует. Я там елочку поставлю, чтобы все по-домашнему было, свечку с индийскими благовониями... Может, еще одну бутылку виски взять, как ты думаешь?

— Не знаю, — снова пожала плечами Маша, продолжая улыбаться из последних сил.

— А ты сама на вечер пойдешь?

— Нет, — покачала головой Маша, — я Новый год обычно с родителями встречаю.

— Ну и правильно, — одобрила Ритка. — Что тебе здесь делать? Наверняка ведь все будут курить... И пить.

Коваленко готовила целую войсковую операцию по захвату студента четвертого курса Стихарева. Купила себе новые сапоги на высоченной шпильке. Сапоги были синие, замшевые, простроченные серебряной ниткой. Приобрела еще коротенькую кожаную юбочку, тоже синюю. Рита едва влезала в нее, а когда садилась, юбка высоко задиралась, и потом, встав, ее надо было обязательно одергивать, потому что юбочка не хотела опускаться на прежнее место. Еще она купила голубые колготки с вышитыми на них рыбками. Все это Коваленко продемонстрировала Маше, уверенная в своей неотразимости.

— У нас ведь Год Синего Кролика наступает, — пояснила Ритка. — Так ведь?

— У китайцев наступает, да и то в феврале, — уточнила Маша.

— Да какая разница! — отмахнулась Коваленко. — Главное, что синего, и у меня как раз все в тему. Я еще синюю маечку в горошек присмотрела. Нормально будет в горошек?

— Лучше в морковку, — посоветовала страдающая Маша. — Год Кролика ведь.

Рита покачала головой и произнесла с сочувствием:

— Ой, ты мне что, завидуешь? Разве так можно, Машенька, ведь мы подруги.

— Нет, как раз наоборот: я рада за тебя, — соврала Маша.

Теперь она уже точно знала, что на институтский вечер не пойдет.

— А еще я себе белье присмотрела, итальянский комплект синего цвета, — продолжала трещать Коваленко. — Хотя скорее цвета морской волны. Стринги, разумеется. А бюстик — просто сказка. Такой пуш-ап! Я уже примеряла его. В зеркало глянула — чуть не обалдела: у меня как будто бы третий номер...

За неделю до Нового года Коваленко купила все, о чем мечтала. И даже бижутерию Сваровски, на которую одолжила деньги у Маши. Устроила генеральную примерку. Примерка прошла успешно, только юбочка потом не хотела сниматься.

— Ну, ничего, — успокоила себя Рита, — надеюсь, мне не самой придется ее с себя стаскивать.

Маша не пошла бы на вечер, но случилось так, что тридцать первого декабря к ней в гости приехала Рита. В девять часов сели за стол, чтобы проводить старый год, и до десяти Коваленко дегустировала все блюда и закуски. А потом вспомнила:

— Ой, меня же Тимур Новиков ждет! Я обещала к десяти подойти.

Посмотрела на Машу, потом на себя, ослепительную, отражающуюся в настенном зеркале, и вдруг предложила:

— А поехали вместе!